

Журнал "Искорка"

№10, 1964

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
Ж92

Ж92 Журнал "Искорка": №10, 1964 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 67 с.

ISBN 978-5-458-62073-4

«Искорка» — детский журнал, ежемесячное приложение к газете «Ленинские искры». Выходил в 1957—1992 годах. Первоначально выходил в маленьком объёме и формате и ставил себе скромную задачу, чтобы дети смогли прочитать интересный рассказ, стихи, познакомиться с героями наших дней, а в часы досуга посидеть над разгадыванием кроссвордов, шарад, головоломок». Однако уже к концу 1957 года объём журнала значительно увеличился, стали печататься повести, пьесы.

ISBN 978-5-458-62073-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

вельможи оправдывали Дантеса, тайно или явно радовались гибели Пушкина. Иные оплакивали поэта, но видели только одного, непосредственного виновника его смерти. Были и люди, которые прекрасно знали, что Дантес лишь исполнил давно готовившуюся при царском дворе расправу над гордостью России. Но они молчали. Даже ближайшие друзья Пушкина благоразумно держали рот на замке. Ни у кого из них не хватило смелости громко заявить придворной знати, что её руки в крови поэта.

Это сделал почти безвестный до тех пор корнет лейб-гвардии гусарского полка Михаил Лермонтов.

Какой-то оставшийся в тени доносчик прислал по почте стихотворение «Смерть поэта» прямо в руки царя. На нём стояла надпись: «Воззвание к революции».

«Вы, жадною толпой стоящие
у трона,
Свободы, Гения и Славы
палачи...»

У трона! Никто ещё не дерзал так смело и прямо, так гневно и непримиримо обвинить самых высоких сановников. Никогда ещё не видели Николая I таким разъярённым. Удар пришёлся в самую точку. В тот день и час по существу был подписан смертный приговор новому «крамольному» поэту.

Лермонтова посылают на Кавказ, под пули горцев — туда, где нашли смерть многие неугодные «свегу» люди. Но он снова возвращается в Петербург. Вокруг него, как раньше вокруг Пушкина, раздувают сплетни. Даже на новогоднем балу ему не давали ни минуты покоя. И кто! Скрывавшиеся под масками великие княжны — дочери царя. Все идёт в ход — клевета и обман, доносы и подлость. Дуэль с де Барантом, сыном французского посла, тоже дело рук придворных. Поэт остался жив — и вот готов новый приказ: в ссылку, опять под пули. Генерал Гала-

феев, восхищённый смелостью Лермонтова в бою, представляет его к награде. Никаких наград — гласит ответ из Петербурга. И не вздумайте никуда отпускать поручика Лермонтова из полка.

Поэту разрешили недолгое свидание с больной бабушкой. Но шеф жандармов Бенкендорф высылает его из столицы в 48 часов — на передовую.

Вот они — звенья одной цепи. Последнее звено в ней — Мартынов, подогреваемый в своей злости против поэта всё теми же клеветниками. И, наконец, злорадная фраза царя: «Собаке — собачья смерть». Со вздохом облегчения подписывается последний приказ: поручика Лермонтова исключить из списков.

Приговор приведён в исполнение...

Но как обманулись убийцы! Они уничтожили поручика Тенгинского полка, но не смогли уничтожить великого поэта. Стихи его живут и всегда будут жить в народе. И с каждым новым поколением всё увеличивается число его друзей, теперь уже во всём мире.

Г. ПЕТРОВ

~~ТАНЬКИ~~ И ~~ВАНЬКИ~~

В эту ночь штабу дивизии «Червонных казаков» пришлось спать на голой земле.

Шесть конных полков дивизии ночевали в степи за хутором Преображенкой, а штаб примостился под каменной стеной парка у имения барона Фальцфейна.

Барона Фальцфейна здесь уже не было и в помине, но зато неподалёку, за Перекопом, сидел другой барон — Врангель. Его-то и стерегла на этом участке фронта дивизия красных конников.

Хотя стояла уже середина апреля, ночь выдалась свежая.

Комдив Примаков, закутавшись в бурку и глубоко нагнув папаху, спал у потухшего костра. Костёр был плохонький, — штабные ординарцы натащили из парка сучьев и веток. Он больше чадил, чем горел. Настоящий костёр разжигать было нельзя, — врангелевская артиллерия открыла бы по нему стрельбу.

Ни бурка, ни костёр не грели. Ночная свежесть пробирала комдива по-настоящему.

Примакову снилось недавнее прошлое — будто он всё ещё отбывает царскую ссылку в холодной Сибири. На дворе вьюга, холодина, а он куда-то идёт, зябнет на ветру и сквозь метель слышит, как его кли-

чут: «Товарищ комдив! Товарищ комдив!»

Примаков проснулся.

Никакой Сибири. Никакой метели. Над ним склонилось невыютавшееся, измятое, встревоженное чем-то лицо адъютанта.

— Товарищ комдив, танки! — твердил адъютант.

— Какие танки? — Примаков сел, поправляя папаху, и машинально, по привычке, передвигая кобуру пистолета с живота на бок (Примаков спал на боку и, чтобы пистолет не мешал, передвигал пистолет на живот).

— Эти «таньки», которые без колёс, но с пушкой, товарищ комдив! — уточнил конник, стоявший рядом с адъютантом. Он, видимо, прискакал в штаб из дозора.

— Далеко?

— Недалече. С версту от кладбища, не боле, — ответил конник.

— А много их?

— Две «таньки», товарищ комдив!

— Буди штаб! Буди, подымай всех! — приказал адъютанту командир дивизии, вскакивая на ноги.

Пока адъютант тормозил штабных командиров, лежавших тесной кучей друг возле друга, Примаков отыскал среди коней своего Араба и

разбудил вестового. Комдив сам подтянул подпруги седла, вскочил на Араба и поскакал в галоп через Преображенку в степь, к Перекопу. Дозорный и вестовой казак старались не отставать от Примакова. А вслед за ними уже мчался весь штаб дивизии.

Только рассвело. Над степью стлался густой туман. Лёгкий ветерок сворачивал его в огромные серые клубки и гнал в сторону Сиваша, на солёные озёра.

Между Преображенкой и кладбищем стоял одинокий ветряк. Примаков доскакал к ветряку и осадил Араба. Поднёс бинокль к глазам.

— Вон она, «танька» эта... Вона, товарищ комдив... — почему-то вполголоса говорил дозорный, указывая рукой. — Ишь как прёт, проклятая!

Примаков увидал танк. Он был высокий, грузный, необычайный на вид. Длинный ствол его орудия торчал как хобот. Танк держал курс прямо на кладбище, хотя оно

было обнесено оградой из песчаника.

Саженья в двухстах от него, на одной линии с ним, двигался, громыхая гусеницами, второй.

За танками шли солдаты в защитной форме, — это под прикрытием танков наступала врангелевская пехота.

Танков было только два, но своим грохотом они, казалось, наполнили всю степь.

Примаков впервые видел танк. До сих пор он только слышал о них. Ничего не скажешь, впечатление от этого бронированного чудовища было сильное!

По всему фронту поднялась беспорядочная ружейная трескотня, но танку это было ничпочём: он спокойно, безостановочно шёл вперёд.

Комдив Примаков видел, как пехотные заставы красных, выдвинутые вперёд за кладбище, бросали окопы и бежали к кладбищу. «Сейчас подымется общая паника! — с тревогой подумал Прима-

ков. — Надо не допустить этого».

— Скачи в штаб латышской дивизии, предупреди: идут два танка, за ними пехота белых, — обернулся он к адъютанту.

— Поднять конницу и батареи! — приказал комдив другому и снова взялся за бинокль.

Примакову было интересно: пройдёт через кладбище танк или нет.

Танк, не меняя курса, подошёл к невысокой кладбищенской ораде из песчаника, без особых усилий, легко повалил железную кладбищенскую калитку и, стреляя из пулемётов по засевшим на кладбище красным, двинулся дальше, через кресты и могилы.

— Вот здоровенная скотина! — вырвалось у Примакова.

Но смотреть было некогда, тем более, что из танка уже заметили группу конных у мельницы и ударили по ветряку из орудия.

Примаков дал шпоры коню и помчался к конным полкам, которые строились в степи.

Он осадил Араба на стыке двух крайних полков и громко крикнул:

— Ребята! Барон хочет взять нас на испуг — пустил два танка. Помните, танк проходит не более четырёх вёрст в час. За нами, конниками,

ему не угнаться. Не робеть, товарищи!

— Верно!

— Чего там робеть?

— Мы его «таньку» разделяем! — зашумели конники.

— Приготовить бронебойные патроны! Из полков выбрать джигитов — надо проскочить и порубать белую пехоту, которая укрывается за танками.

Комдив Примаков скакал вдоль фронта своих червонных и подбадривал конников.

Настроение в полках поднялось. Отряд джигитов был создан вмиг. В джигиты вызвалось охотников больше,

чем следовало.

Командовать джигитами Примаков назначил комполка — два Потапенко. Потапенко, старый большевик, был

при царе осуждён на каторгу за вооружённое восстание в Горловке.

— Хлопцы, нам, красным конникам, на эту белую «таньку» начхать! — кричал Потапенко джигитам.

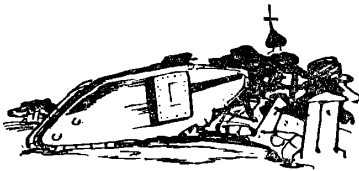
— Даёшь «таньку», мы её враз!

— Видали мы разных и Манек и Танек!

— Что там «таньки», когда мы сами — Ваньки!

— Ваньки-встаньки! — смеялись, шутили конники.

И отряд Потапенко помчался к имению занимать позиции. Он должен был занять парк и пулемётами и граната-

ми остановить пехоту белых. В парке густо разрослись деревья, и танку действовать в нём было несподручно.

А Примаков, подбодрив конницу, поскакал к батареям.

Батареи были поставлены правильно — полукругом. Если танк полезет на одну из них, соседняя сможет бить по борту танка, где он наиболее уязвим. Батареи стояли в степи, верстах в полутора от Преображенки.

Примаков увидел издали — артиллеристы возбуждены, машут руками. «Митингуют. Недовольны тем, что их поставили без прикрытия», — догадался комдив.

Он подъехал к батарее, не торопясь слез с коня и приказал вестовому, всюду следовавшему за ним, присоединиться с лошадьми к батарейным zapражкам, стоявшим в стороне.

Увидав комдива, артиллеристы перестали обсуждать положение, вернулись каждый на своё место, но смотрели понуро, явно подавленные. Похлопывая нагайкой по сапогам, Примаков подошёл к артиллеристам, поздоровался, как ни в чём не бывало. Потом вскинул бинокль к глазам и глянул на Преображенку. Оттуда слышалась частая пулёмётная и ружейная стрельба, доносились взрывы гранат.

«Как там друг Потапенко? — подумал Примаков. — Отрежет баронскую пехоту от танков или нет?»

Лязг гусениц становился с каждой минутой всё слышнее. И вот Примаков увидел — из улицы хутора выполз невредимый танк. Но пехоты за ним не было никакой. Танк шёл в одиночку. Он уже заметил батарею красных и открыл огонь из орудия. Снаряды пока что ложились далеко.

Командир батареи, старый унтер-офицер, кряжистый воронежский плотник Демьянов, смотрел исподлобья. Видимо, сдерживал волнение.

Примаков ещё раз обвёл глазами всех батарейцев, пристально глянул на Демьянова и с усмешкой громко спросил:

— Что, друзья, гаечка слаба? Ушла душа в пятки?

— Да что вы, товарищ комдив! — обиделся Демьянов. — Чтоб я его, чёрта, боялся? Тьфу! — плюнул старый артиллерист. — Немало я их перевидел за четыре года на фронте! И вот — живой остался!

— Ну, коли гайка не слабит, тогда наводи орудия получше. А у меня не душа в пятках, а песку в пятки набилось. Надо переобуться!

И Примаков сел тут же, у орудия, наземь и стал спокойно разуваться.

Батарейцы с любопытством смотрели на комдива.

Примаков, не торопясь, снял оба сапога, вытряхнул из них воображаемый песок и расправил портянки.

Командир батареи подбежал к первому орудью, от-

толкнул наводчика и стал наводить орудие на танк.

— Что, Демьянов, навёл?— спросил Примаков, аккуратно обуваясь.

— Так точно, навёл. Никуда от нас он не денется, субчик! — весело и громко ответил командир батареи, отрываясь от панорамной трубы.

— А навёл — так держи! Проверь наводку у других!

И пока Демьянов проверял, как наведены остальные орудия батареи, Примаков продолжал лежать на земле. И, словно шутя, крикнул:

— Ну, ребята, кто попадёт в «танку», тому от меня фунт табаку! А пока подходи по одному от орудия, получай аванс на каждое орудие — папиросы!

Он выбросил из кармана несколько пачек папирос и передавал каждому из ору-

дийных «номеров», которые охотно подбегали к нему.

Артиллеристы повеселели. С шутками и прибаутками стали закуривать. А танк ревел и шёл на батарею, продолжая стрелять. Но теперь это были недолёты.

Примаков встал и, когда до танка осталось не более четверти версты, снова окликнул Демьянова:

— Ну что, стало быть, покурили? — и первым бросил недокуренную папиросу.

Батареицы, не сводившие глаз с комдива, видели это.

— Покурили! — понял налёком командир батареи.

— Тогда выкурим же и беляков с нашей земли! — крикнул командир дивизии.

Демьянов звонко, отрывисто скомандовал:

— Батарея, огонь!..

— Первый!

— Второй!

— Третий!

— Четвёртый!

Прицел был верен: дымки разрывов окутали танк со всех сторон. Батарея вела беглый огонь. По танку стала бить и соседняя, — она была ему в бок.

Танк завертелся на месте,

а потом и вовсе стал. Затих лязг его гусениц и рёв мотора.

Громкое «ура» прокатилось по батарее. Артиллеристы радостно кричали, махали будённовками, смеялись, обнимали друг друга.

Но в это время из-за хутора показался второй танк. Он полным ходом мчался на выручку первому.

Батареи красных вновь открыли огонь. «Номера» работали без усталости, — по лицам красноармейцев тек пот.

Выстрелы следовали один за другим. Оба танка исчезли в сплошном облаке разрывов.

Второй танк успел подцепить подбитый и потащил его назад. Все три батареи били им вслед.

Отрезанная от танков джигитами врангелевская пехота давно катилась назад, к Перекопу.

Первый удар врангелевских танков оказался как первый блин — комом. Червоная дивизия ликовала.

— Вот видите, ребята, — говорил перед строем конников комдив Примаков. — Не трусили — и победили! Молодцы Ваньки — не побоялись «таньки»!

Как река стала сильной

Мчится речка
по простору,
волны плещут:
— К морю!..

К морю!..

Слышит — справа,
с ветром споря,
кто-то плещет:
— В море!..

В море!..

Слышит — слева:
— Бег ускорим...
Слиться с морем!..
С морем!..

С морем!..

Речка плещет:
— Кто вы, чьи?..—
Речка слышит:
— Мы ручьи!..

Речка плещет:

— Силы

сложим?!..—

Речка слышит:

— Можем!..

Можем!..

Потекли в реку
притоки.

Понеслись
в одном потоке.

Обнялся
с ручьём ручей —
рядом
тысячи плечей.

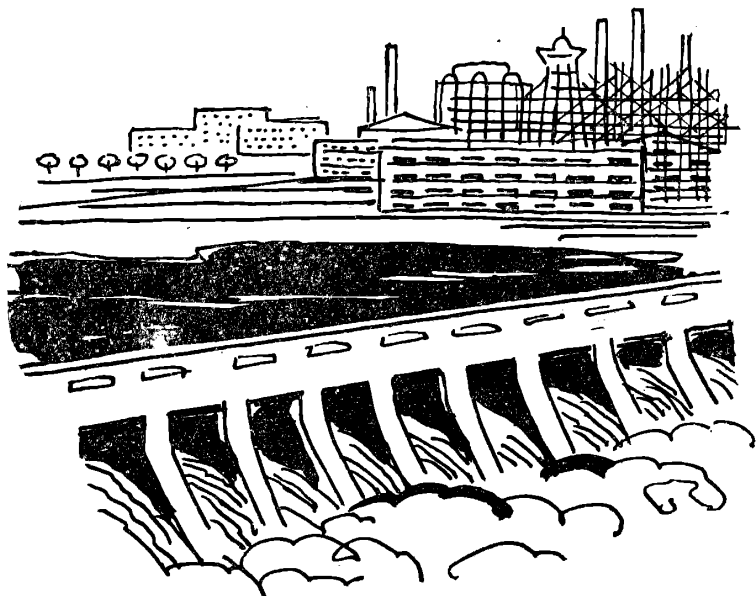
Стала
слабая река
и сильна
и глубока.

Как работает река

Напоили
гладь реки
ручейки
и родники.
Расплеснули
плёсы
капельки
и росы.
И летит
лавина!
На пути —
плотина!
А над ней
сто ветров —
высота
сто метров!
А река
клокочет —
поработать
хочет!

Грохнулась!
И в пропасти
завертела
лопасти!
Нате,
люди,
силу
даром!
Крутит
с пылом!
Крутит
с жаром!
Из машины
пыл и жар
проводами
побежал, —
зашумел
в электровозе,
подоил коров
в колхозе,

нефть погнал
в нефтепровод,
силу
отдал на завод,
в космос
выпустил ракету,
напечатал
книжку эту,
лампу
в комнате зажёл,
чтоб читать ты
книжку смог!
Вот так синяя река!
Вот так сильная
рука!
Но ещё сильнее
народ,
что плотины
создаёт!

Человек — хозяин рек!

Над рекой —
висят мосты.
По реке —
плывут плоты.

Тараторят
тараторки —
рыболовные
                  моторки.
Разрезают грудью
                  воды

грузовые
                  теплоходы.
Пассажирские
                  суда —
то туда,
то сюда!

У плотин —
ступени-шлюзы
на спине вздымают
                  грузы.

Приложив
                  железный рот,
целый город
воду пьёт.
Всё построил
Человек —
повелитель
силы рек!
Человек
творит с умом.
Он велик
своим трудом!

Гр. Гроденский

Как из зёрнышка каравай вырос

Вот смешно! Сказали, что из меня — зёрнышка — будут вкусный хлеб печь, а сами — сунули в землю.

Говорят:

— Расти, набирайся сил. Старайся.

Уж я в земле старался: корешки выпустил, росточком пророс, вверх тянулся. Сквозь землю на солнечный свет пробился и даже позеленел от радости.

А кругом таких, как я, оказалось ну не сосчитать как много.

Вот весело! Нас в землю запрятали, а мы всё равно вылезли и вперегонки растём. У меня уже и листочки появились — узенькие, длинные, тоненькие. Потом стебелёк вытянулся, колосок усики зелёные распустил.

Колоски в поле шумят:
— Готовы для вкусного хлеба!

А им говорят:

— Рано. Не из чего у вас хлеб печь. Молоды-зелены. Не созрели. Старайтесь дальше.

Стараемся. Колосья наши растут, цветут, зёрнами заполняются.

Вот удивительно! Колос мой весь зёрнами набился. Сколько их? Считать до скольки умеете? Попадётся колос вам в руки, считайте сами: тридцать—пятьдесят—сто! Сидят они там маленькие, гладенькие, зелёные, мягкие:

— Готовы для вкусного хлеба!

— Нет, — говорят. — Рано. Хлёба из вас ещё не испе-